

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КВАЛИТАТИВОВ ХРИСТИАНСКИХ
ЛИЧНЫХ ИМЕН С Х-СУФФИКСАМИ В ПРЕДНАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI – XVII ВЕКОВ)

Несмотря на то, что количество квалитативов с суффиксальным –х- в тверских памятниках преднационального периода не так велико, этот согласный образовывал разные модификаты квалитативных формантов. Все эти модификаты присоединялись исключительно к усеченной основе исходного христианского имени.

Если усеченная основа оканчивалась на гласный, то квалитатив образовывался либо при помощи финального –х(ь):

Демехь (ПК, ТПК, КБП)¹ орфографический вариант *Демих* (ЦБИ) < Дементий / Демид; *Зехь* (КБП) < Зенов < Зиновий; *Манухь* (ПК) < Мануил; *Мелехь* (ТПК) < Мелетий; *Олехь* (ПСЭИ, КБП) < Олексей; *Терехь* (ПК, ТПК, КБП) < Терентий, – либо с помощью того же суффикса, но с другим показателем парадигматического класса – -х (а):

Даха (НВЖМ) < Данил / Давыд; *Ероха* (ТПК) < Ерофей; *Калиха* (ТПК) < Калина < Каллиник; *Моха* (ТПК) < Мокий; *Мануха* (ПК, КБП) < Мануил; *Митроха* (ПК, ЦБИ, КБП) < Митрофан; *Оноха* (ПК, ЦБИ) < Онофрей; *Самуха* (КБП) < Самуил; *Тимоха* (ПК, ТПК, ЦБИ) < Тимофей.

Есть мнение, что формы на –х(ь) являются «деминутивами второй степени», усечениями от уменьшительных на –хн(о): Дорохно > Дорох, Терехно > Терех и т.д.², однако для такого утверждения, на наш взгляд, нет достаточных оснований, поскольку суффикс –х(ь) / –х(а) – один из древнейших суффиксов, возникший из *s³. Кроме того, есть версия, что первичные суффиксальные элементы были однофонемными формами, и последующий процесс языковой эволюции – это усложнение, контаминация изначально простых суффиксов, их соединение друг с другом⁴.

Более того, нельзя не заметить, что квалитативы на –х(ь) чрезвычайно похожи на усеченные разговорные формы полных имен на –х

¹ Список источников и сокращений см. в конце статьи.

² Сельвина Р.Л. Об одной диалектной особенности личноименного словообразования в языке новгородских писцовых книг XV – XVI вв. // Вестник МГУ, 1972. № 3. С. 75.

³ См. подробнее: Machek V. Les verbes slaves en –chati // Lingua posnamiensis. T. IV, 1953. С.33 – 87; Pedersen H. Das indo-germanische s im Slavischen // Indo-germanische Forschungen. Bd. V, 1895. С. 111 – 136.

⁴ Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии.- М., 1952. С. 55 – 87.

исконный или на $-x < \phi$: *Онтухъ* (ТПК, КБП) < Евтихий; *Дорохъ* (ПК, ТПК, КБП) < Дорофей, *Ерохъ* (НВЖМ) < Иерофей, *Орехъ* (ТПК) < Арефа, *Остахъ* (ТПК) < Евстафий, *Темохъ* (КБП) < Тимофей; *Малахъ* / *Молахъ* (ПК, ТПК) < Малахия – возможно, через промежуточную разговорную форму *Малафей* (о том, что последний из приведенных модификатов является полным разговорным именем, а не квалитативом, свидетельствует и факт его употребления в монашеской среде, где, как известно, личные имена употреблялись в полной форме: «архимандрить Малахъ»¹). Вероятно, подобные формы явились как бы мостиком, переходом от полных разговорных форм к квалитативным.

Квалитативные формы в донациональный период, как показывает материал, не выражали никакой субъективной оценки, почему применительно к ним и не могут быть употреблены термины «уменьшительно-ласкательные имена»², «формы с суффиксами субъективной оценки»³, «ласкательные», «уничижительные»⁴, «эмоционально-оценочные формы»⁵. В данном случае справедливо замечание А.Н. Мирославской о том, что суффиксы в подобных формах являлись лишь «средством сближения их со словарным фондом русского языка»⁶. На наш взгляд, критерием, позволяющим считать оным полным разговорным именем, является отпадение в каноническом имени конечных $-ей$, $-ий$, $-ан$, $-а$, $-ия$ (видимо, воспринимавшихся как формообразующие аффиксы) и одновременное изменение конечного $\phi > x$. Однако если к подобной форме добавлялось финальное $-а$, то, по всей вероятности, такая форма может считаться квалитативной (ср.: *Ероха* (ТПК) < Иерофей, *Митроха* (ПК, ЦБИ, КБП) < Митрофан, *Оноха* (ПК, ЦБИ) < Онуфрий, *Тимоха* (ПК, ТПК, ЦБИ) < Тимофей): материал показывает, что в полных разговорных формах, как правило, от исконной финали $-а$ избавлялись, в то время как в квалитативах она была достаточно частотной.

¹ Комлева Н.В. Деривация мужских личных имен в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XV – XVII веков // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. С. 125.

² Шанский Н.М. Типология и происхождение фамилий на «-ов (-ев)», «-ин (-ын)» в русском языке // Русский язык в школе. – 1971. – № 4. С. 95.

³ Суперанская А.В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 180 – 184.

⁴ Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. С. 189.

⁵ Устинович А.К. Мужские личные имена в гродненских и брестских актах XV – XVII вв // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 263.

⁶ Мирославская А.Н. Диалектизмы в антропонимах (на материале памятников письменности XV – XVII вв.) // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 155.

Если исходная усеченная основа имени была консонантной, то имеем варианты названного суффикса с начальным гласным:

$-ух(ь)$ / $-юх(ь)$: *Олухъ* (КБП) < Олексей / Елевферий (ср. *Олферь*) / Елисей (ср. *Олиско*); *Мартюхъ* (КБП) < Мартин / Мартиниан;

$-юх(а)$: *Илюха* (ПСЭИ) < Илья; *Мартюха* (ТПК) < Мартин / Мартиниан; *Оксюха* (ЦБИ) < Оксен < Авксентий;

$-ох(а)$: *Лутюха* (КНАМ) < Лутьян < Лукиан; *Оноха* (ПК, ЦБИ) < Онисим.

Впрочем, существует мнение, что $-ух-$ – это особый, самостоятельный суффикс, поскольку он имеет свою этимологию¹, в отличие, например, от суффиксов $-ах-$, $-ох-$, $-ех-$, возникших «в результате различного рода аналогий и обобщений»².

Кроме самостоятельного употребления, суффиксальный элемент $-x-$ входит в состав сложного суффикса $-хн(о)$. С данным формантом отмечено лишь две формы, причем из-за чрезвычайной краткости их усеченной основы трудно точно определить, к какому личному имени они восходят: *Вахно* (ПК) < Василий / Варлам / Иван; *Сохно* (ТПК) < Созон / Самуил / Самсон / Савел / Савин / Совостьян < Севастиан / Александр. Однако способ образования данных квалитативов не может трактоваться однозначно. Вполне вероятно, что первоначально они были образованы от личных имен, имевших в основе исконный звук x (типа: *Михно* < Михаил, *Прохно* < Прохор – примеры взяты из книги Б. Унбегауна³), либо от основы разговорной формы, в которой x образовался на месте $-\phi$ (*Сохно* (ТПК) < *Сохрон < Софроний / *Сохон < Софония; *Вахно* (ПК) < Вахромей < Варфоломей). Это не позволяет однозначно интерпретировать словообразовательную структуру подобных форм, поскольку согласный x мог не входить в состав суффикса, а лишь являться частью основы разговорного варианта личного имени. Даже А.Н. Толкачев, категорически не соглашаясь с В. Симовичем, утверждавшим при анализе украинских антропонимов, что исконный суффикс $-но$ первоначально присоединялся к основам с конечным $-x$ ⁴, определяя морфемное членение подобных форм как *Ми-хно*, *Про-хно*, тут же в скобках задается вопросом: «Исх. Про-копий

¹ Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. III // Этимология. 1976.– М., 1978. С. 113.

² Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. II // Этимология. 1975.– М., 1977. С. 105.

³ Унбегаун Б. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 72.

⁴ Симович В. Українські чоловічі ймення осіб на $-но$ // Збірник комісії для дослідження історії української мови. Київ, 1931. С. 111-112.

(или Про-хор, Прох-ор?)”¹. На наш взгляд, отсутствие в исследуемый период квалитативов с простым суффиксом **-н(о)**, с одной стороны, и наличие форм на **-хн(о)** от имен, основа которых никогда не имела согласных **х** или **ф**, позволяет считать **-хн(о)** единым аффиксом, сложным по образованию, возникшим из последовательности двух некогда суффиксов (известно, что в древнерусском языке были достаточно употребительны имена с праславянскими по происхождению суффиксами **-но**, **-ено**, **-ьно**², приобретшим способность функционировать как единая формообразующая морфема. Отметим при этом интересный факт: зафиксированные в тверских памятниках немногочисленные нехристианские квалитативы с тем же суффиксом также образованы от апеллятивных имен с конечным **-х** (ср.: *Брюхно* < Брюхо, *Глухно* < Глухой), однако в данном случае нельзя исключать возможности наложения конечного **-х** основы и начального **-х**-суффикса.

Заметим, что все антропонимисты выделяют **-хн-** как единый суффикс, при этом нередко считается, что в старорусский период он был особенно характерен для новгородской территории. Тем не менее исследователи отмечают распространенность этого суффикса и в других славянских языках: в украинском³, в польском⁴; кроме того, в диалектах польского и белорусского языков до сих пор сохраняется непродуктивная модель образования уменьшительно-ласкательных существительных с этим суффиксом⁵. В.А. Никонов, анализируя северные фамилии, предполагает, что формант проник на северные территории с запада: “С западных территорий принесен общий для белорусского, украинского и западно-славянских языков суффикс **-хно** (*Ивахнов*)”⁶. Тем не менее у русских этот суффикс, безусловно, является территориально ограниченным. Вероятно, следует согласиться с тем, что он “возник из общеславянского фонда и получил широкое распространение в западно-

¹ Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. II // Этимология. 1975. – М., 1977. С. 108.

² Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969. С. 109.

³ Чернышев В.И. Псковское наречие (Наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 году) // Труды Комиссии по русскому языку, 1931. Т. 1. – Л., 1931.

⁴ Мирославская А.Н. Указ. Соч. С. 156.

⁵ Азарх Ю.С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 138 – 139.

⁶ Никонов В.А. Северные фамилии // Этимология–1978. – М., 1980. С. 141.

славянских языках, а на восточно-славянской территории представлял диалектную черту западной локализации”¹.

Тверские документы исследуемого периода фиксируют, как было отмечено, единичные факты употребления квалитативов с данным формантом; материалы других исследователей тоже показывают единичность этого суффикса в преднациональный период: так, на вологодской территории названный формант утратил к XVII в. свою продуктивность и встречался только в составе патронимов и топонимов². Ю.С. Азарх отмечает, что “к моменту образования национальных языков тип антропонимов с суффиксом **-хн-** угасает во всех славянских языках”, предполагая при этом, что данный факт был связан с экспрессивностью названного форманта и его принадлежностью к народно-разговорной речи³.

Кроме того, суффиксальный **-х-** мог добавляться к другим суффиксам, однако подобные примеры в нашей картотеке являются единичными:

-х-ош(а): *Лахоша* (ТПК) < Лаврентий / Лазарь

-х-он(я): *Вахоня* (ПК) < Василий / Варлам / Иван

Однако и в данных примерах морфологическая отнесенность согласного **х** является трудноопределимой и членение приведенных форм может быть различным, в зависимости от того, как мы будем объяснять происхождение этих квалитативов: так, в случае образования приведенных форм от разговорных вариантов имен: *Лахоша* (ТПК) < Лахтион < Галактион, *Вахоня* (ПК) < Вахромей < Варфоломей (что представляется нам более вероятным) – данный элемент не является суффиксом, а входит в состав производящей основы, тем более при наличии в исследуемый период других форм на **-он(я)** и **-ош(а)**.

В целом материал показывает, что все **-х-суффиксы** в исследуемый период на тверской территории были малопродуктивными, и квалитативы, образованные с их помощью, представляли собой единичные вкрапления в антропонимическую систему каждого из исследованных памятников письменности. Вероятно, продуктивность их уменьшалась и в дальнейшем. Так, М.Б. Серебrenникова отмечает формы на **-х** в составе

¹ Сельвина Р.Л. Об одной диалектной особенности личноименного словообразования в языке новгородских писцовых книг XV – XVI вв. // Вестник МГУ, 1972. № 3. С. 76.

² Комлева Н.В. Деривация мужских личных имен в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XV – XVII веков // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. С. 46.

³ Азарх Ю.С. Указ.слч. С. 138.

современных фамилий (ср.: *Демехов, Мелехов, Терехов*), замечая при этом, что «в настоящее время такие формы непродуктивны»¹.

Источники и их сокращения

КБП – Новгородские писцовые книги. Т.6: Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910

КНАМ – Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1904.

НВЖМ – Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. Старица, 1910.

ПК – Писцовые книги Московского государства XVI века. Ч. 1 / Под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1877.

ПСЭИ – Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV – XVII вв. / Под ред. С.Б. Веселовского и А.И. Яковлева. Т. I. – М., 1929.

ТПК – Торопецкая писцовая книга 1540 года // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.

ЦБИ – К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV – XVI вв. / Под ред. М. Рубцова. Вып. II. Старица, 1905.

¹ Серебренникова М.Б. Несколько замечаний об образовании русских фамилий на –ов (-ев) от уменьшительных форм христианских имен // Труды Иркутского университета. Серия языкознания. Вып. 7, 1971. С. 61.